

Какие тайны хранит институт им. Сербского?

Заметки диссидента.

«Доктор действовал во благо, жалко благо не моё»

Вл. Высоцкий

В марте 2006 года, я пришел в институт судебной психиатрии им. Сербского, чтобы осуществить своё законное (и конституционное) право, на ознакомление с экспертным заключением по одному из моих судебных дел за 1970 год. В качестве свидетеля и своего доверенного пригласил представителя от общественной организации «Гражданская Комиссия по правам человека России». Однако нас даже на порог не пустили. Объяснили: ознакомление с экспертными материалами категорически запрещено, независимо от срока давности проведённой экспертизы. Затребовать экспертные материалы имеет право лишь организация и лицо, направившее меня на экспертизу. Выходит, что спустя даже 36 лет моё дело всё ещё является тайной не только от общественности, но и от меня самого. Пришлось обратиться в суд.

Должен пояснить, что 15 лет назад я был реабилитирован. А отправлял меня на экспертизу в институт им. Сербского в 1970 году начальник следственного отдела УКГБ по Владимирской области м-р Павел Евсеев. Помню, он как-то разоткровенничался, что работает следователем в «органах» с 1940 года. Я не удержался и спросил: «Так сколько же Вы душ загубили за 30 лет такой «работы»?! Ведь у Вас руки по локоть в крови! При Хрущеве, многие из Ваших жертв были посмертно реабилитированы».

М-р вальяжно откинулся на спинку стула, и добродушно улыбаясь, ответил: «А ты знаешь, Михаил, что сказал тов. Сталин на банкете в честь победы?» И начал цитировать мне известный тост про долготерпение русского народа. Естественно, уклоняясь от пояснения, что это «долготерпение» было достигнуто массовыми расстрелами и многомиллионным ГУЛАГом.

На вид следователю КГБ было под 50, значит сегодня ему где-то 86 лет или больше. Может быть, он давно и торжественно похоронен как ветеран войны. Под звуки военного оркестра, за трупом, на подушечке несли два-три десятка орденов и медалей, как награду за сотни отправленных под расстрел, так называемых «врагов народа». Мне повезло, что родился гораздо позже этого ветерана - орденосца. Иначе был бы реабилитирован тоже посмертно. Невелико удовольствие.

А может он ещё и жив?! И как ветеран-маразматик валяется в разных привилегированных ЦКБ и прочих заведениях, где отдыхают и лечатся заслуженные палачи и высшие Кремлёвские сановники; от Патрушева, Иванова и повыше рангом. Любуется старый ветеран на фото Сталина в рамочке, и вспоминает славные денёчки. Когда можно было вообразить себя маленьким Божком, распоряжающимся жизнью и смертью людей. Может мне разыскать его, и нижайше испросить резолюцию на ознакомление со своим, им же сфабрикованным уголовным делом?

Но сначала поговорим о чужих тайнах, которых немало хранится в потайниках института им. Сербского. Ещё при Ельцине, меня как-то пригласили на запись, в телепрограмму «Национальный интерес». Там седовласые профессора из этого института пытались доказать, что здоровых людей в психушки не отправляли. В крайнем случае, в гуманных целях спасали некоторых от тюрьмы. Мне сразу вспомнились строчки из Высоцкого: «Доктор действовал во благо, жалко благо не моё!». Через микрофон ведущего, задал вопрос: «А как Вы оцениваете такой факт: человека признали невменяемым, 15 лет продержали в Казанской спец/психбольнице, а потом расстреляли? Могу пояснить подробнее». Профессора не ответили, сделав вид, что вопроса не было. Ведущий настаивать не стал. Просматривая дома эту телепередачу обнаружил - вопрос «вырезан». А моя физиономия промелькнула лишь в качестве статиста.

Теперь о факте. С человеком, которого расстреляли, я был лично знаком. Три раза, в среднем по 40 дней проводил с ним в одной камере-палате в Сербском. Вот коротко его история. В начале войны Лукьянов Ермак Михайлович – калмык по национальности попал в плен, потом лагерь. Не допытывался, не знаю; может и

сотрудничал он каким-то образом с немцами. После войны Лукьянов остался в Бельгии. Работал на рудниках, получил гражданство, женился. Был членом общества Советско-Бельгийской дружбы (с его слов). Когда началась Хрущевская «оттепель», пришел в советское посольство, рассказал о себе и попросил разрешение вернуться на родину. Ему ответили: Вы, мол, совершили преступление в своё время; поэтому возвращение надо заслужить, надо поработать для родины. И Лукьянов несколько лет разъезжал по Европе; фотографировал базы НАТО. Выполнял задания успешно, так как в совершенстве владел немецким и французским языками. Шпионил бесплатно. Лубяньское начальство компенсировало лишь дорожные расходы. Наконец разрешение на поездку в СССР было получено. Весь путь до Элисты он проделал на личной автомашине. Разыскал сына от довоенного брака; навестил тех, кого знал раньше или был в родстве.

Благополучно вернулся домой, в Бельгию. Но после всего увиденного собственными глазами, услышанного от родственников и знакомых о жизни и порядках в СССР – всякое желание возвращаться на родину испарилось. Да и жена-бельгийка против. Куда, мол, поедет, говорит: у нас семья - пятеро детей. Кто-то устроился, другие учатся. В общем, стал г-н Лукьянов уклоняться под разными предлогами от поручений товарищей в «штатском» из Советского посольства.

Тем бы всё и закончилось. Но после поездки в Калмыкию начал регулярно переписываться с родственниками и новыми знакомыми. Через некоторое время снова захотелось приехать в гости. Ему охотно дали визу. На этот раз взял с собой сына подростка, чтобы познакомить с «исторической родиной». Позднее признавался, что с самого начала почувствовал за собой слежку. После завершения своего визита, в Бресте был арестован. Дальше как обычно: Лефортово и Сербский. Признание большим шизофренией и помещение в Казанскую спец/психбольницу. Это происходило, где-то в 1967 году.

Впервые встретился с ним летом 1970 года. Моё назойливое любопытство, видимо его настораживало, и я мог довольствоваться лишь фантазиями санитарок об этом человеке. Когда в 1979 году мы снова увиделись, он встретил меня как родного брата. Точнее, как собрата по несчастью. Много чего рассказывал о своей жизни, о Бельгии. Третий раз я увидел его зимой 1982 года. Но это был уже другой человек. Изможденный, дряхлый старик с полностью потерянными зубами. От «лекарств» по его словам. В Казани его нещадно закармливали нейролептиками и Бог знает чем ещё. А главное, угнетённое состояние. Постоянно повторял: «Мишель! меня хотят расстрелять; я это чувствую». Напрасно пытался его успокоить. Мол, по советским законам потолок -15 лет, которые он уже отсидел. Кроме того, он официально «невменяем», и это противоречило бы нашим законам. Всё было напрасно. И у меня появились сомнения в его здоровье. Уж не заболел ли?! Всё-таки 15 лет в психушке...

Летом 1982 года в лагере, как-то просматривал газету «Советская Россия». Равнодушно скользнул по названию статьи «Изменникам нет пощады». В те годы проходила очередная кампания «никто не забыт» и пропагандистских писаний хватало. Но взгляд наткнулся на знакомое имя. Внимательно прочел «...приговорен к высшей мере... приговор приведён...» и т.д. У меня буквально волосы зашевелились, настолько неправдоподобной, фантастической показалась мне эта ситуация.

Можно лишь догадываться, как это происходило. Лубянка потребовала от профессоров Сербского объявить Лукьянова сумасшедшим, чтобы упрятать в спец/психушку. Те под козырек. А годы спустя Лубянка посчитала, отпускать Лукьянова опасно – слишком много узнал. Значит надо уничтожить. И приказали «врачам» объявить его здоровым, чтобы казнить «по закону». Те снова под козырек. Если у кого сомнения в этой истории, то не трудно проверить. Младшему сыну Лукьянова в Бельгии, сегодня примерно 50 лет. После ареста отца, оперативники КГБ переправили его вместе с машиной через границу. Наверное, живы и другие родственники, там же в Бельгии.

Когда профессора из Сербского утверждают, что посылали обвиняемых в психушки, ради спасения от тюрьмы или казни – это правда. Только чья, правда?! Институт им. Сербского в советский период (как, наверное, и сейчас) являлся главным инструментом «по отмыванию» преступлений. По аналогии: как «отмывают» преступные деньги всякие грабители и мошенники.

В советское время Кремлёвская власть была страшно озабочена своим имиджем не только в глазах Запада, но и собственных граждан. Существовала доктрина, что наш государственный строй – идеал для человечества и потому у нас, при социализме не могут происходить такие преступления, как на «загнивающем» Западе. А наши чиновники, это просто ангелы в сравнении с хапугами и мошенниками в странах, где «человек человеку - волк» и «правит чистоган».

Кстати сегодня, «к имиджу» страны отношение наплевательское. Сын министра обороны Иванова, нагло задавил машиной пенсионерку. Об этом знает вся Москва, но преступник даже не арестован. Если бы

подобное случилось четверть века назад, и этот факт получил бы такую же огласку, то Иванова – младшего на пару месяцев отправили в психушку. Чтобы «отмыть» его преступление. Извините, мол, граждане, никакого преступления нет. Просто, кратковременное расстройство здоровья; с кем не бывает. И это «расстройство здоровья» услужливо бы удостоверили в Сербском, эскулапы с докторскими степенями.

Со мной сидел сын крупного московского чиновника в банковской сфере. Отец был орденосцем, за какие-то тыловые подвиги в период войны. Сын повздорил с женой, облил её бензином и сжег. Абсолютно здоровый и неглупый человек. Другого бы расстреляли, а этот отделался 5-тью годами спец/психушки. Причем, содержался привилегированно, как в доме отдыха. Ещё случай. Сын начальника милиции, абсолютно здоровый, неглупый и приятный во всех отношениях человек. Нас убеждал, что попал за браконьерство. Позже узнали его историю. Заманил в лес 9-ти летнюю девочку, изнасиловал и закопал. «Подлечили» и освободили.

Третий случай. Был один хороший работник-шабашник, много зарабатывал. Но слишком часто и подолгу бывал в командировках. Жена поставила ультиматум: мне нужен муж дома, а не в виде паспортной отметки. Не сменишь работу – уйду к матери. Но мужик был воспитан в строгой православной традиции, согласно которой «да убоится жена мужа своего». Поэтому предупредил: «Уйдешь, не застаю дома; приду и отрублю голову». Приехал – не застал. Взял топор, пришел в дом тёщи и отрубил жене голову. Но у этого мужика брат – полковник, служил не последней пешкой в каком-то штабе. И он помог устроить братца в психушку, «подлечиться». Причем даже не в «спец», а в обыкновенную, городскую. Там он пробыл чуть больше четырёх лет в весьма вольготных условиях. Человек он был абсолютно здоровым и пользовался полным доверием со стороны врача.

Четвертый случай: какой-то родственник секретаря райкома партии был задержан за хулиганство. Во время беседы врезал Начальнику ОВД по физиономии. Вместо тюрьмы отделался двумя месяцами пребывания в городской психушке. В ней он почти не ночевал, лишь отмечался. Ещё пример. Племянник зав отделения во Владимирской психушке (где я содержался), в период службы в армии пытался изнасиловать медсестру. Или изнасиловал? Уже точно не помню. Возбудили уголовное дело. Но дядя-психиатр добился экспертизы и перевёл его под своё крылышко.

Подобных случаев не мало. За крупные взятки, с помощью института Сербского уклонялись от тюрьмы или расстрела. Со мной сидел некий Роман из Оренбурга. Его родичи были кем-то, на фабрике пуховых платков. Рома собирался жениться, но родственники невесты возражали. Тогда он убил мать и бабушку своей невесты. Этот «поступок» обошелся ему в пять лет спец/психушки. Ходили упорные слухи, что были выплачены большие деньги экспертам – психам из института Сербского. Содержался он в очень вольготных условиях. По характеру спокойный, уравновешенный; типичный сангвиник. Абсолютно здоровый человек, плюс деловой и не без таланта. Романа часто навещали родственники. Сведущие люди утверждали, что приезжали они с богатыми подарками для псих-врачей.

Какой-то скептик возразит. Откуда, мол, такая уверенность, что все эти люди абсолютно здоровы? Уверенность оттого, что наблюдал их месяцами и годами. И потом, Вы же почему-то не сомневаетесь в здоровье спецназовца Эдуарда Ульмана, Чикатило или Буданова? Ульман хладнокровно убил и сжёг 6 совершенно невинных людей. Если бы он убил своих: жену, отца, мать и т. д. Или же убил кого-то с целью ограбления; то такие поступки можно объяснить «эмоциями», чрезмерной жадностью. А он убил незнакомых ему людей с такой же легкостью, как иной прихлопывает комара, не отвлекаясь от беседы с приятелем.

Среди псих - врачей Сычевки были наркоманы, гомосексуалисты, садисты – на любой вкус, как говорится. Можно ли представить, чтобы кто-то пришел устраиваться на работу по поддельным документам, в качестве пилота пассажирского самолёта или врача – нейрохирурга? А вот психиатром – запросто! Потому что психиатр – самая спекулятивная и «мутная» профессия. Все их докторские степени и профессорские звания гроша ломаного не стоят.

Мне рассказывали, как в Сычевской спец/психушке около 3 лет работал псих - врачом мошенник. Но один случай даже меня удивил. В 1970 году, кажется в Известиях, появилась большая статья о некоем психиатре Горелике, осужденном к 10 годам заключения. Этот человек около 10 лет проработал Главным психиатром Владимирской области, не имея даже среднего образования. Он добился звания заслуженного врача, получил какой-то орден, и подготовил кандидатскую диссертацию (В смысле, нанял человека, который ему написал). Попался на «мякине» - при попытке украсть аттестат зрелости. Кроме того, обнаружилась растрата в 10 тысяч рублей. Талант?! – бесспорно, - но какой? Однажды я прочел историю про одного человека. Тот ухитрился продать крупным бизнесменам Франции за большие деньги Эйфелеву башню, на металлом. Но башня-то, слава Богу, стоит пока. А с псих - врачами всё сложнее и гораздо хуже. Потому что касается судеб, здоровья и жизни многих людей.

В мае 2006 года меня пригласили на одну из передач в прямом эфире кабельного телевидения. Проводился диспут с профессором-психом Михаилом Виноградовым. На самом деле диспута не получилось. Скорее его монолог. Так как этот профессор занял почти две трети эфирного времени. Виноградов преподавал в школе НКВД-ФСБ, консультировал этих «рыцарей» плаща и кинжала. Сотрудничает с ними и сегодня. Естественно, продолжает защищать родное ведомство. Я ему напомнил о спец/лабораториях НКВД-ФСБ, где в массовом порядке умерщвляли людей, испытывая на них химическое и бактериологическое оружие, различные яды. Разрабатывали методы бездоказательного убийства. И чем же тогда Ваши хозяева-работодатели отличались от гитлеровских палачей, типа Менгеле, объявленного военным преступником? – задал я риторический вопрос.

Все разведки мира этим занимаются – спокойно ответил, сей «врач». Только г-н Виноградов сознательно «не хочет знать», что в СССР к смертной казни массово приговаривали самых обычных людей, граждан своей страны – не злобных преступников. А Менгеле проводил свои опыты над пленными, а не над собственными гражданами.

Я не удивлюсь, если вдруг обнаружится, что в подобных изуверских опытах участвовал и сам Виноградов, коль так уверенно оправдывает эти преступления. В процессе своего монолога он заявил, что четверть населения психически больны. А где гарантия, что Вы сами не попадаете в эту четверть? – спросил я Виноградова. Он лишь самодовольно рассмеялся. Такие люди хорошо осознают свою неприкасаемость. Закон не для них. Какие бы преступления ни совершали служители палачества, Власть их всегда защитит. Лишь смена власти способна изредка восстанавливать справедливость.

В одной палате со мной находился пациент, по возрасту около 40 лет. Не помню, за какие грехи попал. Но что меня поразило! С уверенностью, в которую трудно не поверить, он утверждал, что, не моргнув глазом, может расчленив живого человека. Может вскрыть ему грудь или брюшину и вырезать там что угодно, не обращая никакого внимания на стоны, мольбы или крики жертвы. По всем внешним признакам этот пациент был психически абсолютно здоровым человеком.

И я подумал, что к подобному классу людей относятся и такие, на первый взгляд разные персоны, как Чикатило, Ульман, профессора подобные Михаилу Виноградову. Их всех объединяет отсутствие человечности, в просторечии - совести. Это и есть истинное «эмоциональное оскудение личности». У них главный жизненный принцип – служба Хозяину. Меня давно коробит выражение «Собака – друг человека». На самом деле собака «друг» Хозяина, который её дрессирует и кормит. И собака - враг всем остальным, на кого хозяин укажет пальцем. То же самое и с некоторыми людьми.

А вот примеры иного плана из того же института Сербского. В период войны русский мужик, Бреславский Николай Иванович бежал в Турцию. В 1945 году был выдан. Осудили на 10 лет лагерей. В лагере ни от кого не скрывал, что будет добиваться выезда. Освободившись, приехал в Москву и с вокзала пошел искать Турецкое посольство. Едва прошел пару кварталов, его задержали товарищи в «штатском». Дальше, как обычно: Лефортово, Сербский и Сычевская спец/психушка. При мне он уже содержался лет 18 -19. Думаю, там и умер.

Ещё пример. Виталий Бублик, украинец; в период оккупации, подростком подрабатывал на дорожном строительстве. После войны «за сотрудничество» получил 10 лет. Отсидел полностью. Во время приезда Президента США Никсона в 1959 году, Бублик приехал в Москву, пошел на американскую выставку и разоткровенничался с гидом. Рассказал, за что сидел и как сидел. На выходе с выставки был задержан. Дальше по шаблону – Лефортово, Сербский, Сычевская спец/психушка. При мне отсидел уже 15 лет. Могу утверждать, что психически был здоров. Вероятно, там и умер. Примеров можно приводить много, «хороших и разных».

Но, видимо пора, рассказать и о собственных «тайнах». Всё-таки, в отличие от ранее упомянутых товарищей – рядовых отрубателей голов и заживосжигателей, я представлял собой «особую общественную опасность для общества» - цитирую по тексту Определения суда. Ну, а в окончательном варианте получил статус ООГП (особо опасный государственный преступник). Итак, за что же удостоился такой «честь»?

Моя ГУЛАГовская одиссея уникальна. Сначала продержали 5 лет по психушкам, включая тюремного типа. А потом, ещё около 12 лет по лагерям и тюрьмам. В процессе всех четырех судимостей проводились соответственно и четыре экспертизы. Все последующие, - автоматически дублировали первоначальный диагноз. Его сформулировал в институте Сербского некий Фокин Альберт Александрович, называвший себя врачом-психиатром. Я уверен, что был он услужливой пешкой в руках профессора Лунца Даниила Романовича (чтоб ему в гробу лишний раз перевернуться). Так называемый «доктор» Лунц выполнял прямые указания Лубянки. Коротко расскажу, как вообще психушка вошла в мою диссидентскую биографию.

Я работал электромонтером на радиозаводе, жил в общежитии. Арестовали 14 апреля 1970 г. в кабинете городского Прокурора, куда вызвали по повестке. Произошел краткий диалог. Меня спросили: «Кукобака, почему Вы систематически выступаете против Советской власти?»

- Я, товарищ Прокурор, принципиально не могу выступать против советской власти. Потому что являюсь простым рабочим, а советская власть – идеальная для рабочего человека. «Советская» - производное от слова совет, советоваться. Но за свою жизнь пришел к убеждению, что с нами Власть никогда не советовалась. Иными словами, Советской Власти у нас нет, и никогда не было. За неё только предстоит бороться. Сзади легонько хлопнули по плечу. Обернулся – милиционер протягивает наручники.

После ареста провели обыск. Были изъяты и приобщены к уголовному делу по ст. 190-прим УК РСФСР следующие вещи. Две работы первого курса по немецкому языку. 4 или 5 спортивных грамот, конспект работы Вильгельма Либкнехта «Никаких компромиссов», выписка из местной библиотеки о прочитанных книгах по марксизму, комсомольский билет. Кроме того, заявление на имя Брежнева, статья «Открытое письмо английскому писателю Айвору Монтегю». В ней я выступал в защиту русского писателя Анатолия Кузнецова. Ещё были географические карты нескольких Западных стран и хороший ножик (не совсем перочинный).

Так как я не скрывал своих антикоммунистических убеждений, следствие продвигалось быстро. Кроме «антисоветчины», мне приписали ещё сбор оружия с целью подготовки к переходу границы. Сделали всестороннюю экспертизу ножа и убедительно доказали, что убить человека им можно. А можно ли убить человека утюгом, скалкой или пустой бутылкой из под шампанского? - иронизировал я над следователем.

Заминка получилась, когда я твердо заявил следователю Федосову, что категорически отказываюсь от адвоката и намерен защищать себя в суде сам. После этого следователь направил меня на амбулаторную псих - экспертизу, где я был признан здоровым. Потом моё дело было передано в следственный отдел УКГБ по Владимирской области. Переводили из Александровской тюрьмы не по этапу. За мной лично приехал на «волге» Начальник след/отдела УКГБ по Владимирской области м-р Павел Евсеев. Никаких наручников, посадили рядом с оперативником. И так, с комфортом, проделали путь от Александра до Владимира. Во Владимире пару раз вызвали на допрос. Бред следователя Федосова, о якобы готовившемся мной побеге за кордон исчез из дела вместе с ножом и наручными часами.

Однажды следователь Евсеев пришел несколько озабоченным.

- Послушай Михаил, я вот внимательно ознакомился со всеми твоими материалами и вижу, дела то у тебя, в сущности, никакого нет. Ты вот что: подпиши-ка вот эту бумажку. Ты и себе и нам услугу окажешь. Отправься на свой завод и работай там, на здоровье. Только языком особо не болтай лишнего. Я прочитал поданный мне листок. В нем, некий человек в форме донесения писал, мол, гражданин Кукобака в таком-то месте встречался со статс-секретарем посольства Западной Германии Мюллером и имел с ним беседу.

-Что за чушь?! – удивился я, даже не дочитав толком до конца бумажку. Если я правильно догадываюсь, этот Мюллер чем-то Вам насолил, но я то здесь при чем?

-Да ты не ломай себе голову; остальное - не твоя забота. Подпишешь и пойдешь себе работать на старое место. Никто об этом не узнает, только сам язык не распускай – продолжал убеждать следователь.

-Согласен, никто об этом не узнает. Но сам-то я, всю жизнь буду помнить, что сделал пакость человеку, которого не знал и не видел. Нет уж! Если этот Мюллер чем-то Вам не нравится, - сами на него управу ищите. Я здесь Вам не помощник.

Евсеев недовольно поморщился: Значит, не хочешь подписывать?! Ну, хорошо, Кукобака. Тогда мы такое тебе устроим, что всю жизнь будешь раскаиваться.

-Да чихать я хотел на Ваши угрозы! – здесь уже я отбросил всякую «дипломатию».

Через несколько дней снова вызвали к следователю. Вот Кукобака, поедешь в Москву. На псих - экспертизу направляешься – благодушно улыбаясь, сообщил м-р Евсеев.

-А я не нуждаюсь в Вашей экспертизе! - А тебя и спрашивать никто не будет. В тоне следователя послышались нотки злорадства. Так я оказался в институте им. Сербского.

После экспертизы меня целый год продержали в тюрьме на режиме строгой изоляции, в полном неведении относительно моей участи. Однако я не сидел в пассивном ожидании. Постоянно писал протесты. Искал

контакты, с целью пробить «стену молчания». Наконец, сумел достичь цели. Кто-то из политзаключенных сделал запрос в Ген. Прокуратуру в отношении меня (и возможно ещё куда-то). Наконец, 6 сентября 1971 года Начальник спец/части тюрьмы скороговоркой зачитал мне Акт экспертизы из института Сербского.

Я не всё расслышал и не всё услышанное запомнил буквально. Но отдельные фрагменты запомнились на всю жизнь, настолько они меня поразили. В акте утверждалось, что «...занятие спортом, увлечение иностранным языком, а также интерес к философии – результат болезненных изменений личности...». Ещё там говорилось, что «... Кукобака страдает эмоциональным оскудением личности...». Потом Начальник спец/части добавил, что суд надо мной состоялся 4 ноября 1970 года, о чем якобы мне сообщалось. Это, была наглая ложь.

Со своим заочным Приговором по делу №2-3с от 4 ноября 1970 года впервые смог ознакомиться лишь через 20 с лишним лет, когда добился реабилитации. И кое-какие тайны приоткрылись, но далеко не все.

Процитирую из Приговора, описания некоторые своих преступлений. Они вполне заслуживают того, чтобы их внимательно прочесть и осмыслить. Чтобы осознать, в каком направлении мы движемся сегодня, и какое будущее нас может ожидать.

«В июле 1969 года в общежитии Киевского завода химикатов в присутствии Тупицина и др. Кукобака клеветал на положения Конституции СССР и на сообщения советской печати и радио».

«В сентябре 1969 года в цехе №8 радиозавода в городе Александрове в присутствии Лобанова, Румянцева и др. Кукобака клеветал на советское правительство».

«В ноябре 1969 года в цехе радиозавода в присутствии Лебедева, Лобанова, Куванова, Коляжнова, Королина и других рабочих Кукобака возводил клевету на социалистическую демократию, восхвалял при этом так называемые буржуазные свободы слова и печати».

«В декабре 1969 года на территории Московского Кремля в присутствии экскурсантов Кукобака клеветал на советскую действительность и советский государственный строй».

«На вечере под Новый Год в женском общежитии в присутствии Романенковой, Барановой, Федосеевой, Чурсанова и др. Кукобака восхвалял жизнь народа за границей и клеветал на положение рабочего класса в СССР».

«В феврале 1970 года во время уборки территории радиозавода в присутствии Ионова, Безымянного и других Кукобака враждебно отзывался о лозунге: «Жить и работать по Ленински».

Хорошо запомнил этот эпизод. Потому как совершил маленькое «открытие». Глядя на лозунг, я сказал соседу: «Смотри! В немецком языке работа – арбайт, а раб – шклаве. В английском, рабочий – вокер, а раб-слейв. И лишь в русском языке: рабочий, работать и раб – слова одного корня». Не думал тогда, что мой скромный экскурс в лингвистику войдет в материалы дела, как состав преступления.

Цитирую дальше из Определения суда. «В разное время марта 1970 года в общежитии радиозавода в присутствии Мазура, и Грунина Кукобака клеветал на внешнюю политику Советского правительства и сообщения печати, на КПСС и советскую действительность».

Надеюсь, привел достаточно примеров упорной работы следователей КГБ. Все остальные мои «преступления» по этому делу, примерно такие же.

По совокупности совершенных деяний, а также учитывая, что занятия спортом, изучение иностранного языка, интерес к философии (чтение марксистской литературы) – «результат болезненных изменений личности» согласно заключению виноградových - фокиных из Сербского; в итоге я и был признан представляющим «особую общественную опасность для общества». Это, уважаемые читатели оказалось едва ли не серьезнее, чем заживо сжечь или отрубить голову своей жене или соседу.

О людях и об отношении к «врагу народа».

Если бы на моём тюремно-лагерном пути (и не только на этом) встречались одни плохие люди – вряд ли удалось выжить. Давно пришел к убеждению, не только по образцам из хорошей литературы, но и по личному опыту, что порядочных и относительно честных людей в мире, подавляющее большинство. Но это в условиях «свободы воли», свободы выбора. На практике, у каждого человека свой предел прочности. И если на личность оказывать постоянное физическое и психологическое давление, то не каждый проходит испытания с минимальной потерей человечности, своих нравственных качеств.

И тем не менее, даже в среде палачества, иногда прорывается инстинктивное, присущее человеку от природы сопереживание ближнему. Ведь человек – животное коллективное, с соответствующими инстинктами самосохранения вида. Однажды поздней осенью была холодная, слякотная погода. Я выходил на прогулку належке. Прапорщик Лефортовской тюрьмы вполголоса заметил: «Вы бы оделись потеплее, очень уж неприятно сегодня на улице». Я обернулся и глянул на конвоира. По выражению лица, по интонации этого 40 летнего надзирателя чувствовалось, что сказано было искренне, не по «инструкции».

После Сербского, во Владимирской тюрьме меня держали на режиме изоляции, в особой камере. Железная дверь, вполовину меньшее окно, да и то, изнутри закрыто железной решёткой с мелкой ячейкой. Лежак представлял из себя деревянный гробик из толстых досок, обтянутых двумя железными полосами. У изголовья наклонно закреплена толстая доска. Всё это сооружение вцементировано в пол. Даже в телогрейке было зябко в камере. Поняв, что сидеть придётся долго, а может и до конца, я создал себе ещё более жёсткий режим. Несмотря на холод, раздевался и с утра до вечера делал разные стойки, отжимания, приседания, бегал. По цементному полу ходил только босиком. Доходило до того, что не мог быстро вставать. Начиналось головокружение, впадал в полубморочное состояние.

Однажды заскрежетал замок, и в камеру вошла группа офицеров администрации во главе с Начальником санчасти Буть. Я только что закончил очередную «разминку» и стоял раздетый до пояса, успокаивая дыхание. Буть окинула взглядом камеру. Из зарешёченного углубления над дверью тускло светила лампочка. В этом свете, иногда искрился иней, заносимый ветром сквозь разбитое стекло. Камера скорее напоминала некий средневековый каземат.

Начальник санчасти, толстая, грузная женщина лет пятидесяти. Заслуженный врач РСФСР. За её жестокость заключенные давали ей разные нехорошие клички. Однажды чуть не погиб молодой ученый – орнитолог, диссидент из Прибалтики Гунар Роде. Ему срочно требовалась операция, но Буть упорно не давала санкцию. И лишь когда несколько камер политзаключенных объявили забастовку (или голодовку?) Гунара прооперировали. Он выжил. После отбытия 15-летнего заключения был освобождён, женился, и ему удалось эмигрировать в Швецию.

Осмотрев камеру, Буть повернулась ко мне и спросила: «Как настроение, самочувствие?» - Нормально. «Есть ли жалобы, претензии к администрации, к режиму содержания?» - Нет.

«Есть ли какие просьбы, пожелания?» - Нет. Буть подошла поближе, почти вплотную едва не касаясь меня животом. Несколько секунд внимательно всматривалась в мою небритую физиономию. И без улыбки, как бы с ноткой лёгкого удивления пробормотала: «Мда-а... Кукобака. А ты выглядишь, как истинный узник». Повернулась и вышла, за ней и все остальные.

Буквально через пару часов меня пересадили в другую камеру: светлую, тёплую с обыкновенным окном и даже без жалюзи. В камере обычная деревянная дверь и кровать с сеткой, постель с белой простыней. Кроме того, перевели на больничное питание. Настроение сразу заметно улучшилось.

А тут пришла библиотекарша с книгами; молодая симпатичная девушка, с хорошо развитыми бедрами. Ещё я заметил, что почти напротив меня камера, где также интересуются книгами. Едва захлопнулась кормушка, я схватил ложку и стал дырявить дверь на уровне колен. Несколько часов я сверлил алюминиевой ложкой, до кровавых мозолей на пальцах, тюремную дверь в пять сантиметров толщиной. Самое трудное было, это пройти последний слой так, чтобы щепки не выпали наружу в коридор. Иначе надзиратель заметил бы и вся работа насмарку. Но я успешно справился с задачей.

Должен отметить, за весь период содержания во Владимирской тюрьме ни один надзиратель не сказал мне дурного слова. Хотя до меня доносились откуда-то крики избиваемых, ругань заключенных и надзирателей. Лишь в прогулочном дворике моё поведение раздражало конвойных. В любую погоду я разувался и ходил босиком по бетонному полу. Только с 12 ноября перестал выходить из камеры. Потому что не успевал растирать коченеющие ноги.

Спец/психушка, иначе именуемая «бессрочной койкой» - самое трудное испытание, и физически и морально. Естественно, за исключением контингента «отмывающего» там свои преступления за взятки либо по номенклатурным связям. Уже по пути следования получил представление о Сычевке от соседей по вагонзаку. По прибытию, поместили в самую большую камеру, где содержались наиболее тяжёлые пациенты. Санитары-уголовники часто заходили туда тренироваться в избивании. Физически и душевно сломленных пациентов, нередко среди ночи вытаскивали в туалет для сексуальных развлечений. И это не было секретом для врачей и

медсестер.

Проблема была, избежать возможных провокаций. Туалет был один в конце коридора. И камеры выводили по очереди. Все выстраивались перед дверью, нервно переминаясь. Санитар открывал камеру, и первые двое получали подзатыльник, середина проскакивала, одного-двух последних били пинком под зад. Рассудил, если ответить ударом на удар в первые дни - равносильно самоубийству. Не ответить – унижение и потеря достоинства, которое трудно пережить.

Пришлось хитрить. «Случайно» попадал в середину очереди, чтобы избежать соприкосновения с санитарями. Так я выдержал без конфликта несколько дней, до вызова на беседу с врачом. Заведующий отделением Сазонков Валерий Андреевич, был сравнительно молодым человеком. Рослый, самоуверенный (мастер спорта по боксу) всегда беседовал наедине, без присутствия санитаров. В МВД работал недавно и ещё не был особо испорчен системой. Мне удалось так преподнести свою историю, выдав себя за наивного простака, что у врача невольно вырвалось: «Да, Михаил; так как ты влип – никто из нас не застрахован». Меня сразу перевели в камеру-палату к самым здоровым пациентам и без назначения какого-либо «лечения».

За короткий срок я освоился и своим поведением добился уважения со стороны санитаров - уголовников. Но вскоре случилась неприятность. Один пациент, сидевший за убийство, повел себя оскорбительно и попытался меня шантажировать. Вразумить его мирными средствами не удалось. И как только мы оказались в одной камере, я сразу дал ему в «пятак». Он пожаловался, прибежали санитары, медсестры и меня повели на экзекуцию. Не знаю, что подействовало. Может быть, я ещё не оклемался после тюрьмы. Но после укола аминазина, едва выйдя из процедуры, свалился в обморок. Потом ещё и ещё. Доложили врачу. Я сижу на полу, не решаясь подняться, чтобы залезть на кровать. Заходит зав отделением: «В чем проблема?»

-Вы что же, Валерий Андреевич, решили меня убить?! Это у Вас запланировано? – решительно пошел я в наступление,

«Как это убить?» - удивленно поднял брови врач.

-А так! Медицинскими средствами. Вы отлично знаете, что у меня большое сердце – нахально приписал я врачу осведомленность в моих сердечных делах - и, тем не менее, назначаете мне лошадиную дозу какой-то гадости.

Врач на секунду задумался: «Ну, если у тебя большое сердце, мы его поддержим кордиаминчиком, а лечить тебя будем. Чтобы ты хорошо понял, куда попал и руки не распускал больше».

Тем не менее, уколы заменили таблетками. Я сразу же подкупил нужных санитаров и до конца, так называемого «курса лечения», никакой гадости не принимал. Довольно скоро, разными хитростями мне удалось устроиться на самую престижную и хорошо оплачиваемую работу – наладчиком швейных машинок. До этого, я видел швейные машинки лишь издали, и то, в фуляре. Работа эта сделала меня в некотором смысле «неприкасаемым», неуязвимым для всяких мелких неприятностей.

Сычевская спец/психушка в то время имела довольно большое производство. Кроме швейного были и другие цеха: по производству гвоздей, цепей – всего не упомяну. Вдвоём с напарником мы имели в своём распоряжении мастерскую, в которой были токарный, сверлильный и наждачный станки. Куча разного колющего и режущего инструмента. Кроме того, мы контролировали электрооборудование всего производства.

Формально, за всё отвечал штатный электромонтер из лагеря. Но он физически был не в состоянии со всем справиться. Поэтому, почти всю работу выполняли мы сами, хотя это было вопреки правилам. Но имей я глупость заявить: мол, не знаю, не могу или не имею права – сразу бы отстранили от работы. Да ещё и так называемое лечение назначили бы в связи «с изменением психического состояния». Такая вот специфика советского производства. Эта работа позволяла мне без ограничения шнырять по всей производственной зоне; встречаться с людьми из других отделений, которые меня интересовали.

Но здесь на меня свалилась нежданная напасть. Однажды при обыске на рабочем месте, охранники изъяли листок с какой-то информацией. По мнению оперативников, источником приведённых там фактов, могла быть одна из Западных радиостанций. Меня тут же отвели в штаб. Допрашивали сам Начальник психушки м-р Лямец Леонид Иванович и двое оперативников. Когда-то м-р Лямец был зав одним из отделений. Старожилы рассказывали, что если к Лямцу пациент обращался с жалобой на что-либо, он сочувственно выслушивал. А потом вызывал санитаря и давал распоряжение, чтобы жалобщику прописали «кулазин» (специфический жаргон, от слова кулак).

Я объяснил «дознавателям»; мол, нашел скомканный листок, из любопытства переписал себе текст и хотел показать врачу, но не успел. Такое объяснение было отвергнуто с ходу. Мне стали угрожать. Бить, наверное, будут, подумал я неуверенно. И стал решать мучительную задачу. Если начнут избивать то, что делать? – пассивно защищаться, закрывая уязвимые места или же дать бой и, до последнего, а там будь что будет. Значит, забьют до смерти, пришел я к неутешительному выводу. Трусость взяла верх, и я решил, что в случае чего, займу пассивную оборону. На душе сразу стало легче. Моё внимание снова переключилось на дознавателей, и я услышал заключительную часть добрых советов и пожеланий в свой адрес от Начальника психушки.

-Кукобака! Последний раз советую тебе чистосердечно всё рассказать. В ином случае мы вынуждены будем начать тебя лечить. Мы будем тебя лечить 10 лет. И так будем лечить, что даже если ты останешься жив, – никакая свобода тебе уже больше не понадобится.

-Но, Леонид Иванович, я же Вам всё рассказал, что знал; а сочинять не умею – с откровенностью ребёнка поведал я Начальнику о своём недостатке.

-Ты хоть осознаешь, что тебя ожидает?! – продолжал настырно допытываться м-р Лямец.

-Да-да, конечно, - печально закивал я головой.

Мне была назначена «растормозка» или «пьяный укол», как ещё называют. Некая смесь барбитуратов с прочей гадостью, с целью развязывания языка. Но я уже был наслышан об этом «орудии» любителей чужих тайн. Поэтому, максимально сконцентрировался и регулярно озвучивая собственную «мантру», не отвлекался на ненужные мне дискуссии. Таким образом, до конца «эксперимента» сохранил самоконтроль. Убедившись, что в моей черепной коробке ничего стоящего не прослушивается – меня отвели в палату. Я упал на кровать и заснул мертвым сном.

Через пару часов вызвал врач. Пошатываясь, но с абсолютно светлыми мозгами я вошел в кабинет. – Послушай Михаил! Я не знаю, что за проблемы у тебя с оперативниками, но ведешь себя крайне неразумно. Лучше будет, если при возникновении какой-либо ситуации ты посоветуешься со мной, и тогда можно как-то избежать неприятных последствий. Иначе, при таком безответственном поведении, ты никогда отсюда не выберешься.

На каждой комиссии из Сербского, зав отделением Сазонков Валерий Андреевич представлял меня к выписке. Седовласые вершители чужих судеб из этого Института Дураков (по определению моего покойного друга, известного диссидента В. Некипелова) регулярно мне отказывали. После очередной комиссии, я упрекнул зав отделением: Что же это получается Валерий Андреевич?! Вы убийцу через полтора года выписали, а я за что сижу? – Послушай, Кукобака! Лучше бы ты убил кого-нибудь, мне было бы легче тебя отсюда вытолкнуть – раздраженно ответил врач.

Похоже, главной целью профессоров из Сербского было убедить меня, что я тяжело болен и признаю это сам. А ещё лучше, если бы я действительно заболел. Значит, их диагноз верен. И задание Лубянки выполнено и совесть «чиста». Поэтому, всегда был главным вопрос: «Кукобака, Вы признаёте, что страдаете тяжёлым психическим заболеванием и нуждаетесь в лечении?». Ответить, что не признаю, - обвинят «в некритическом мышлении». Значит, нуждается в дальнейшем лечении. И так плохо, и так ещё хуже. Приходилось прибегать к витиеватым формулировкам.

Наконец наступил мой день. Врач вызвал к себе; вид был усталый и хмурый.

-Всё Михаил! Наконец-то я от тебя избавлюсь. Поедешь в областную психбольницу. Но запомни: выписка твоя на волоске. Малейшее, где-то что-то вякнешь или потянет на «писанину» - опять окажешься здесь. И тогда конец; больше не выберешься.

-Я согласно кивал головой, но мысли были совсем иные.

4 августа 1974 года, обычным поездом, в сопровождении медсестры я прибыл во Владимирскую областную психушку. Зав отделением Артемьев Дмитрий Дмитриевич после беседы, отпустил меня в рабочую бригаду. В сопровождении молодой, доброжелательной медсестры мы обследовали окрестности. Потом я уговорил её пройти к тюрьме и попробовал определить камеру, где сидел. Убедился, что снаружи она не отличалась от других, но изнутри окно было наполовину забетонировано.

Врач Артемьев был убеждённым «сталинистом», и это определило наши дальнейшие взаимоотношения. Я не

скрывал, что придерживаюсь абсолютно противоположного мнения не только о Сталине, но и всех его последователях. По началу Артемьев вел себя сдержанно. Однако хрупкий баланс был вскоре нарушен по моей невольной инициативе.

На отделение выписывали пару газет. Но их присваивал один из любимчиков Артемьева. Я вежливо сделал ему замечание. Стоя на своей кровати, он пренебрежительно ответил, мол, дуракам там нечего читать и легонько ударил меня сложенной газетой по лицу. Я тут же врезал ему в челюсть так, что он кувыркнулся в одну сторону, а очки улетели в другую, и к несчастью разбились. Скандал! Мне пригрозили «отправить туда, откуда прибыл» и перевели в палату для самых «неблагонадёжных», откуда запрещалось выходить. Несколько дней прошли в тревоге. Потом неожиданно меня восстановили в прежнем статусе.

Артемьев решил заняться моим «перевоспитанием». Как я заподозрил, по совету куратора от КГБ. Меня назначили зам. Председателя Совета Больных и предложили редактировать стенную газету. Я вежливо уклонился, сославшись на свою малограмотность и абсолютное отсутствие организаторских способностей. - Вы, Михаил Игнатьевич не скромничайте, всё получится. Я о Вас знаю достаточно – обнадежил меня врач. Для начала, Артемьев решил стимулировать «пряником».

Мне дали «свободный выход». То есть с мелкими поручениями я выходил за пределы психушки: типа, отнести документы в бухгалтерию или помочь привезти продукты и т.д. С медсестрой выезжал в город по разным хозяйственным делам. Я тут же воспользовался ситуацией и стал усиленно «патрулировать» женское отделение. Стремился познакомиться с какой-нибудь молодой женщиной, чтобы та уговорила свою мать оформить на меня опеку. Наконец мне это удалось, и одна женщина официально обратилась к врачу с такой просьбой.

Однако моё освобождение не входило в планы КГБ. Меня немедленно закрыли. Провели тщательный обыск. Запретили иметь при себе конверты, чистую бумагу и прочее. Врач вызвал на беседу и со злорадной ухмылкой изрек: «Все твои усилия абсолютно напрасны. Наше гуманное советское законодательство не может позволить, чтобы женщина, имеющая больную дочь, взяла опеку над таким тяжело больным человеком, как Кукобака».

Но я не унывал и не терял зря время. Через одну сотрудницу больницы наладил бесперебойную нелегальную связь со свободой. Валентина (так её звали) имела необычный характер. Её терпение и доброжелательность в отношениях с пациентами были удивительными. Сам я, ни за какие деньги так бы не смог. Врача она боготворила; я же терпеть не мог и не скрывал этого. Тем не менее, она помогала мне во всём, чтобы ни попросил.

Таким образом, я смог выполнить некоторые поручения одного политзэка, из Сычевки. Кроме того, познакомился с московскими диссидентами: Подрабинеким, Борисовым и другими. Один из них, врач-фармацевт Некипелов, ставший моим другом, договорился со своей знакомой, тоже врачом. И она попыталась начать процесс опеки. Однако её вызвали в местное КГБ и так запугали, что она уволилась с работы и вообще выехала за пределы Владимирской области. Но процесс уже нельзя было остановить. Моя история получила достаточную огласку. Ситуация сложилась таким образом, что моё пребывание в психушке стало для КГБ обременительным. И от меня решили избавиться, хотя бы временно. Через шесть с лишним лет я получил, наконец, свободу. 10 мая 1976 года начался очередной этап моей жизни.

Во Владимирской психушке я провел 21 месяц. Это сверх всякого разумного срока. Притом, что формально, подвергся репрессиям даже большим, чем в Сычевке. Почему «формально»? Потому что счастливым образом мне удавалось их минимизировать. После первого конфликта (из-за драки), когда врач пригрозил отправить меня обратно в спец/психушку, я навел о нем справки. Зав отделением Артемьев оказался человеком жестоким и неуравновешенным. Старожилы рассказали, как он безнаказанно заколол насмерть двоих, относительно здоровых пациентов. На психике Артемьева, вероятно, сказались и проблемы в личной жизни, сложные отношения с женой.

Его самодурство и на мне проявилось. Как-то, во время обхода подходит к моей кровати.

- Как дела Михаил Игнатьевич? Как настроение, почему Вы сегодня такой мрачный?

-Да нет доктор, всё нормально, спасибо.

-Неужели Вас ничего не волнует, не беспокоит? - Да нет. А что собственно должно меня волновать?

-Ну, например, решетки на окнах.

-В принципе я к ним привык. С другой стороны, кому же тюрьма понравится? – вырвалось у меня на свою голову.

-Ага! Так это тюрьма, по-твоему, не больница?! Так я действительно отправлю тебя туда, где настоящая тюрьма! – возмутился вдруг Артемьев.

Сразу после обхода, меня перевели в надзорную палату, привязали по рукам и ногам, и назначили курс «лечения» уколами аминазина. Это «формально». Что же касается неформальной стороны дела... В надзорной палате дежурил санитаром старый пенсионер, ветеран НКВД; служивший ещё при Ежове. По необъяснимой причине я вызывал у него симпатию. Личные обыски здесь проводились редко. Но при переводе в поднадзорку передевали полностью, до трусов. В одежде я обычно прятал разные запрещённые вещи: булабочки, лезвие, стерженьки и т. д.

И вот дилемма: с одной стороны фельдшер - двухметровый, молодой детина. А с другой стороны старичок – энкзведист, наблюдает за моим передеванием. Интуиция подсказала; и, повернувшись боком к бывшему оперативнику, я стал без стеснения перепрятывать свои «сокровища». Он лишь молча наблюдал за моими манипуляциями. Едва поднадзорку покинули посторонние, я ужом стал извиваться на кровати, и в минуту развязавшись, ходил по палате, как ни в чем, ни бывало. Санитар не реагировал, лишь предупредил, чтобы я не попадался на глаза врачу или старшей медсестре. В обед всегда приносил мне добавки. Из дома снабжал газетами. И всё пытался меня убедить, как хорошо стало жить, пока я находился в заключении.

До меня, в этом же отделении находился на принудительном лечении «истинно православный» Котов. Он также не раз проходил через Сербский. В общей сложности провел в заключении около 40 лет. Любопытно, что в 30-ых годах вышеупомянутый санитар - энкзведист гонялся за ним и не раз арестовывал. Как они ладили между собой в 70-ых, мне неизвестно.

С Котовым я перебросился лишь парой фраз в Сычевке, так как он работал на кухне, а не на производстве. Судьба его трагична. Во Владимире он сошелся с одной санитаркой, очень хорошей женщиной. После освобождения они поженились. Она уволилась с работы, и оба перешли на нелегальное положение. КГБ их выследил, арестовали. И обоих отправили по спец/психушкам – её в Казань, а его снова в Сычевку, где он по слухам умер. После освобождения в мае 1976 года, я разыскал во Владимире дочь этой санитарки. Хотел получить сведения о матери, чтобы как-то помочь. Однако КГБ так запугал обоих – её и мужа, что они категорически отказались со мной разговаривать, едва узнав, что я тоже репрессированный.

Что же касается «лечения», то я успел наладить хорошие отношения с большинством медсестер. Они отмечали в журнале повышенную температуру и заменяли мне уколы таблетками. Даже не прячась от санитаров, я благополучно отправлял их мышам, в дырку под пол. Похожая ситуация повторилась и при повторном помещении меня в эту палату. На этот раз наказали по подозрению в нелегальной переписке. Это было абсолютно несправедливо. Так как на нелегальщине я ни разу не попадался. А наказали за легальное письмо, в котором надзирающая медсестра по небрежности «криминал» не заметила.

Но однажды все ограничения были сняты. То есть мне разрешили иметь при себе конверты, бумагу, ручку и т. д. Ничего не отбирали, даже когда до врача дошли слухи, что я сочиняю «вредные» стишки. А произошло вот что. Мне пришел небольшой денежный перевод из Швейцарии от религиозного писателя Левитина - Краснова (ныне покойного). Поначалу от меня скрыли, сей факт. Но потом косвенно, через мед/персонал довели до моего сведения. Видимо надеялись, что я проявлю инициативу. Но я не подавал вида, и пропускал мимо ушей всякие разговоры о переводе.

Наконец Артемьев не выдержал и устроил мне допрос: есть ли знакомые за кордоном. Если есть, то, каким образом вступил с ними в контакт. Ну и так далее, явно по заданию КГБ.

Я всё отрицал. Тогда он открыл мне «тайну» о денежном переводе и потребовал объяснения: кто мне прислал, откуда обо мне узнали и т. д. Я прикинулся «сельским» мужичком. Высказал «предположение»; мол, всем людям, на всех этапах рассказывал о своей судьбе и возможно кто-то запомнил, и выехав за кордон, решил прислать мне деньги на конверты, зубную пасту и прочие бытовые расходы. Врач был взбешён. Мой ответ явно не устраивал его, как и его хозяев. Но все они видимо поняли, что ограничивать меня, мало толку и себе же дороже. По сути, я не очень врал. Везде и всем действительно давал информацию о своём деле. С Левитиным - Красновым вступил в контакт, ещё в Сычевке, через санитаров-уголовников.

Вот так я боролся за свою свободу; помня, что «под лежачий камень вода не течет». У людей появляется больше желания помогать, если видят, что человек сам изо всех сил карабкается. И я карабкался, как мог.

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)